

veneratum»* (Ж. Рюпп). Позиция Николая говорит об испытываемом им живом ощущении, что он возглавляет бесчисленный народ, который составляют все христиане уже одним тем фактом, что они — христиане.

Этот смысл был, по-видимому, окончательно осознан в эпоху папы Иоанна VIII (872—882). Недавние исследования показали, что он сыграл решающую роль в формировании весьма важной для средневековой мысли идеи о некоем «политическом сообществе всех христиан как таковых» (Ж. Рюпп). И действительно, в его письмах слова «christianitas», «tota christianitas», «omnis christianitas» нередко обозначают сообщество, сопоставимое с Империей, но более широкое, и его столица — Рим. Уточн

Глава IV. Философия в XI веке

192

формулировки, уже употреблявшиеся Николаем I, которого, кстати, противники обвиняли в желании сделать себя «императором Вселенной» (*totiusque mundi imperatorem se facit*), Иоанн VIII определяет Римскую Церковь как «имеющую власть над всеми народами и к которой все народы приведены как к своей общей матери и главе». Привязать к Римской Церкви не только другие Церкви, но народы (*gentes*) и племена (*nationes*) означало создать само тело «христианства».

Нищета умозрений, характерная для теологии и философии X века, проявилась и в области политической мысли; пробуждение произошло в XI столетии во время понтификата Григория VII. Согласно общему мнению, этот понтифик был основателем того, что историки называют довольно расплывчатым, но прочно вошедшим в употребление термином «папская теократия». Подготовленная задолго до этого времени, намеченная, как мы только что видели, его предшественниками, эта доктрина была сформулирована Григорием VII в таких четких терминах и подкреплена такими решительными действиями, что она вполне правомерно связывается с его именем. С ним обычно также ассоциируется группа лиц, которых называют или «пре-григорианцами», или «григорианцами», — в зависимости от того, подготовили ли они его деятельность или дали ей впоследствии вероуचितельное обоснование. Св. Петр Да-миани, например, — «прегригорианец», Манегольд Лаутенбахский — «григориа-нец». Примечательно, что, как правило, те люди, которые, с точки зрения политической истории принадлежат к григорианцам, с точки зрения истории идей являются антидиалектиками. По крайней мере это обнаруживается тогда, когда политическими и философскими проблемами занимаются одни и те же люди. Постоянство такой связи свидетельствует о том, что она не случайна. Скорее, в ней следует видеть некую закономерность, выявляющую важный ас-

пект средневековой мысли, который можно сформулировать следующим образом: для средневекового мыслителя государство находится в том же отношении к Церкви, в каком философия находится к теологии, а природа — к благодати. Для тех из них, кто затрагивал все эти три круга проблем, обычно не составляло труда установить константу, определявшую их позицию по всей совокупности относящихся сюда вопросов. Возникает желание пойти дальше и попытаться заранее рассчитать возможные константы, но следует помнить, что каждый средневековый мыслитель — особая индивидуальность и его позиция характеризуется специфическими нюансами, которые историк обязан учитывать. Поэтому всякое общее априорное указание может иметь ценность только как общий ориентир; его нельзя рассматривать в качестве законченной классификации, которой должны соответствовать отдельные доктрины. Классификации порождаются фактами, а